

Анна Шнайдер
Однажды в лифте

<https://litres.ru/74204588>

Аннотация

Если вы застряли в лифте на новогоднюю ночь, не спешите отчаиваться. Особенно если с вами застрял кто-то ещё...

Содержание

1	4
2	7
3	11
4	14
5	17
6	20
7	23
8	26
9	28
10	31
11	35
12	38
13	41
14	45
15	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Аня

Я никогда не верила в приметы. По-моему, ничего глупее, чем приметы, человечество ещё не придумало. Возвращаясь, смотришь в зеркало, вместе с ножом дари монетку, не переходи дорогу после чёрной кошки... Хорошо хоть баб с пустыми вёдрами в наше время практически не встретишь. Если не считать пустым ведром пустую голову, конечно.

Да-да, я циник, скептик и Фома неверующий. Сложно быть другой, когда тебе с детства мама и бабушка твердят про все эти приметы, а ты раз за разом убеждаешься в том, что они не работают.

Хотя... если бы я в своё время вышла замуж в мае, одна примета сработала бы. Но, увы, свадьба у нас с Олегом была в сентябре.

— Пять лет коту под хвост! — сокрушалась мама. — Ты, Анька, отдала ему свои лучшие годы! А он тебя бросил!

Ну, положим, никуда он меня не бросал. Просто держать дома изменившего тебе мужика — примета куда сквернее чёрной кошки и бабы с пустыми вёдрами.

— Да ещё и под Новый год! Встречать Новый год в одиночестве — плохая примета.

Я подавилась мороженым, которое увлечённо поедала, на-

плевав на все диеты. Хм, это что-то новенькое... Я слышала только: «Как Новый год встретишь — так его и проведёшь».

— Будем встречать вместе. Ты, я и бабушка.

О ужас, летящий на крыльях ночи.

— Я буду не одна. — Вдохновенно соврала я и для смелости отхватила большой кусок вафельного рожка. Закрепила результат: — У меня есть... *муш-ш-щина*.

Хотя... почему соврала-то? Мой пёс Альфонс — «муш-ш-щина» хоть куда! С ним даже спать вместе можно, если любить ненавязчивый запах псины и ошейника от блох.

Впрочем, сейчас зима, и ошейник мы пока не носим. Значит, только псины.

— Как?! — мама охнула. То ли испуганно, то ли восторженно. — И кто он?

Я сделала вид, что увлечена мороженым.

Кто бы это мог быть...

— Да так. Сосед. Ничего серьёзного, мам, просто коротаем вместе досуг. И Новый год тоже вместе встретим.

— Женат? — мама свела брови. Логика — это не её конёк, да.

— Нет. В разводе.

А чё? Проиграть, так миллион, ну а врать — так вдохновенно.

Ща ещё детей придумаем... Двое в Пензе, один на Камчатке. Почему бы и нет?

Правда, мама меня тогда сразу раскусит. Возможно, даже

пополам.

— Короче, мы с ним нашли общую тему для разговоров. Несчастные разведёнки оба.

— Всё к лучшему, — махнула рукой мама. — Олег всегда был тебе не пара.

— Это ещё почему? — протянула я и вновь подавилась мороженым, услышав:

— Вечно в туалете что-то насвистывал. Плохая примета! М-да.

Честно, из всех грехов Олега этот, пожалуй, был самым меньшим.

— Точно, — протянула я, доев наконец рожок. — А ещё он «на дорожку» никогда не садился...

— Вот-вот, — кивнула мама. — Значит, ты с кавалером будешь Новый год встречать, к нам не приедешь?

— Ага. С кавалером.

И имя этому кавалеру «сон». На фиг Новый год... Хоть выплюсь по-человечески.

Последним, что я услышала от Олега, прежде чем он ушёл, было:

— Ты своего пса всегда любила больше, чем меня!

Поначалу я очень удивилась, а потом подумала, что муж — тогда ещё не бывший — пожалуй, прав. Если еда заканчивалась у мужа, я особо не беспокоилась — он большой мальчик, сам о себе может позаботиться. А вот если у Альфонса...

В конце концов, раз в месяц поесть пельмени не такая уж большая трагедия, особенно с учётом моего рабочего графика. Но Олег, выросший на жирном борще с пампушками и крыжовниковом варенье, покупные пельмени презирал.

— Я устала и хочу спать. У меня нет сил ни на что. Можешь сам себе что-нибудь скашеварить? — спрашивала я после особенно тяжёлых рабочих дней и неизменно слышала в ответ бурчание:

— С собакой гулять у тебя были силы...

Наверное, есть во мне что-то неправильное, да. Но собака же не может сама себя выгулять, в отличие от мужа.

Поэтому он и нашёл себе другую, без собаки. И ушёл туда, где ему будут не варить пельмени, а лепить их.

А по мне, так главное — чтобы лапшу на уши не вешали.

За неделю до Нового года я, как мне показалось, основательно к нему подготовилась. Купила подарки для мамы и бабушки, небольшие сувенирчики на работу коллегам, коих у меня приличное количество, запаслась кое-какой долгохранящейся едой, типа зелёного горошка и крабовых палочек, — чтобы не стоять в очередях лишний раз накануне праздника. Нет, объедаться я не собиралась, но праздничный стол сделать надо, как же без него! А потом — спать.

Я даже беруши купила, понимая — без них я в новогоднюю ночь не усну. Народ наш празднует громко и взрывать всякие хлопушки с фейерверками будет до утра. Я же сплю очень чутко, беспокойно, и беруши в новогоднюю ночь мне жизненно необходимы, чтобы действительно спать, а не ждать, пока бомбёжка закончится.

31-го декабря был рабочий день, и я, как и другой рабочий люд, продолбалась на работе до пяти вечера. Хорошо, что вообще ушла — заказов перед Новым годом на меня свалили целую кучу.

Потом мы с коллегами заглянули в кафе на часок — это у нас традиция, почти как баня у Жени Лукашина, — выпили за прошлое и будущее, а затем разбрелись по домам.

Основательно постояв в пробке, я попала к себе ближе к восьми вечера. Вывела Альфонса, немного нарушив наш с ним график выгула — обычно я делаю это часов в десять, но в новогоднюю ночь чем раньше, тем лучше. А то пёс «выстрелов» боится.

В девять я начала готовить праздничный стол и только тут сообразила, что забыла купить самое главное.

Что самое главное в Новый год? Думаете, ёлка? Ни фиги! Самое главное — это мандарины! И вот я, дура безголовая, совсем про них забыла!

Ну нет. Без мандаринов Новый год — не Новый год. Надо сходить и найти мои любимые, из Абхазии, и чтобы кислые были... Как Олег говорил: «Не мандарины, а вырви глаз». А я именно такие и люблю. Кислые, без косточек. Чтобы, когда чистишь, они тебе в морду ароматным соком брызгали! Романтика.

В общем, я быстренько оделась и побежала в магазин на углу дома. Купила килограмм мандаринов, а заодно, раз уж зашла — так в нашей стране делают многие: заходят за одним, а покупают целую сумку всякой всячины, — влажные салфетки, бутылку минералки и симпатичный шарик на ёлку. На кассе лежал, не удержалась... Маркетинг, чтоб его!

Расплатилась, добежала до дома, вошла в подъезд. Перед лифтом топтался парень с ёлкой в обнимку. Я усмехнулась — да, заработался чувак, 31-го декабря в десять с лишним вечера ёлку покупать. А я когда-то считала, что так только в кино бывает!

Грузовой лифт запыкал, двери распахнулись, мы вошли внутрь.

— Вам какой? — спросили хором, и хором же ответили:

— Девятый, — он.

— Десятый, — я.

О-о-о, так это же мой «любимый» дятел-перфоратор снизу. Как ни выходной — так он что-то сверлит, пилит, забивает. Видимо, назабивался так, что забил... тьфу, забыл про Новый год.

Хах. Забавно будет, если сейчас, вернувшись домой, сосед опять начнёт что-нибудь сверлить или пилить. Вон и стройматериалы тащит...

Я с трудом удержалась от хихиканья. Но секундой спустя стало не до смеха — лифт, резко вздрогнув, остановился и задумчиво завис в пространстве шахты на уровне шестого этажа.

Нет, ну я так не играю!

Андрей

Соседку сверху он узнал сразу. Сложно не узнать человека, который периодически проносится мимо тебя с жуткой дворнягой и никогда не здоровается. Пару раз Андрей буркал в убегающую спину: «Здрасьте», соседка угукала, не останавливаясь и даже не поднимая глаз — смотрела только на свою собаку. Вообще, кажется, собаки её интересовали гораздо больше людей. Пару раз Андрей видел её на улице, умиляющуюся каким-то играющим щенкам или хохочущую над тем, как её собственный пёс бежит за голубями.

Соседка и сейчас толком не посмотрела на него — так, скользнула взглядом. И это, чёрт возьми, было обидно. Обычно девушки на Андрея засматривались — высокий, смуглый, с чёрными глазами и тёмными густыми волосами, которые слегка вились, он легко мог бы работать фотомоделью. А эта мышка-мартышка... мармышка... маленькая, чуть пухленькая, с каштановыми волосами-пружинками — смотрела так, будто он был стеной.

Любительница собак... Интересно, что покупать ходила за два часа до Нового года? Горошек в салат оливье? И почему муж не сбегал? Она же вроде замужем... По крайней мере, Андрей пару раз видел её вместе с каким-то парнем.

Кстати, а кольцо-то есть?..

И только он опустил взгляд, чтобы посмотреть на мармышкины руки, как лифт, душераздирающе бряцнув, вздрогнул и остановился.

— Ёпсель-мопсель... — пробормотала соседка. — Вот же свезло так свезло... Надеюсь, он сейчас заработает... в качестве новогоднего чуда...

Андрей в чудеса вообще не верил, в том числе и новогодние, поэтому сразу пошёл и нажал кнопку вызова диспетчера.

Оттуда слышались... музыка и звяканье посуды.

— Фейспалм, — мармышка хлопнула себя ладонью по лбу. — Они там уже отмечают...

— Да-да! — гаркнула в динамик какая-то явно не очень трезвая женщина. — Слуш-шаю!

— Мы тут в лифте застряли. — Андрей старался говорить погромче: музыка и звяканье усилились. — Пионерская шесть, первый подъезд. Грузовой лифт. Вытащите нас, пожалуйста, нам тоже хочется Новый год нормально встретить.

— Ща! Ща всё будет! Ждите, ща вынут! — пообещала диспетчер и отключилась.

В лифте повисла печальная тишина.

— Можно начинать делать ставки, — сказала мармышка нарочито бодрым голосом, расстёгивая куртку. Потом сняла её и бросила в угол — туда, где было чище всего. — Успеют до Нового года или не успеют.

— Не успеют. — Андрей сделал то же самое, прекрасно понимая, что за то время, пока их будут вытаскивать, он тридцать раз вспотеет, и мрачно прислонился к лифтовой стене. — Они бухие там все сейчас. Даже дорогу не найдут, заблудятся.

— Ну-у-у, — соседка задумчиво почесала смешной остренький носик, — я буду надеяться на...

— Новогоднее чудо? — насмешливо переспросил Андрей.

— Не. На то, что кто-нибудь из этих суперспасателей в завязке. Или трезвенник.

— Скорее язвенник.

— Можно и так. — Мармышка залезла одной рукой в пакет и достала оттуда крупный мандарин. — Мандаринчик будете?

— Нет.

— А я съем, если не возражаете.

И она принялась бодро чистить свой «мандаринчик» маленькими пальцами с аккуратно подстриженными ногтями.

Аня

Хмурый какой-то этот сосед снизу, неприветливый. Хотя красивый, это да. Почти как Олег, только Олег — высокий блондин, а этот — высокий брюнет.

Впрочем, если бы я постоянно сверлила, я тоже была бы неприветливой.

— А что ёлку так поздно купили? — поинтересовалась я, жуя мандаринчик. — Забыли?

— Нет, — ответил мой «дядел снизу». — Я ремонт делал. Ставить ёлку, когда дома хаос и грязь, не лучшая идея. Вчера закончил, сегодня купил.

— О! — я обрадовалась. — Так вы больше не будете сверлить?!

Он усмехнулся, как мне показалось, мстительно.

— Буду.

— Почему? — я надулась.

— Ну, мне может понадобится собрать мебель или что-нибудь повесить...

— Ясно. Короче, всегда найдётся, что посверлить, — заключила я грустно. И тут он вдруг выдал:

— Могу сказать, что цоканье когтей вашего пса по ламинату раздражает не меньше дрели.

Я оторопела.

— А вы слышите?!

— Конечно! — сосед фыркнул. — Особенно в пять утра. Что вы вообще делаете в пять утра, что он за вами ходит по всей квартире?!

От неожиданности я так растерялась, что ответила чистую правду:

— Писаю...

У соседа вытянулось лицо.

— Что?!

— Писаю! — я засунула в рот ещё дольку мандаринчика и продолжила: — Я на ночь пью чай и около пяти часов начинаю хотеть в туалет. Поэтому встаю и писаю!

Сосед поморгал. Глаза у него, кстати, были красивые — чёрные такие, с пушистыми ресницами. Любая женщина позавидует!

— А вы не пейте чай на ночь! — заявил мне этот... смазливый перфоратор. — Зачем вы пьёте чай на ночь?

— Хочу — и пью! — отрезала я.

Олег тоже вечно бухтел, что нечего на ночь «напиваться». А я, если чай не пью — просыпаюсь через два часа от дикой жажды. Лучше уж пописать под утро, чем полночи маяться от сушняка.

— И с печеньем небось, — продолжал сосед. — Печенье на ночь вообще вредно! Тем более вам.

— Что это значит — тем более мне? — Я, доев мандарин-

чик, встала в позу «а мне пофиг, на какой стороне у тебя тютюбетейка». — А-а-а?

— Похудеть вам надо! А то топаєте так, что слышно не хуже, чем вашего пса!

Вот же гад!

— А вот это не ваше дело! — возмутилась я от всей души. — Я же вам ничего не советую. Вот и вы помолчите, за умного сойдёте!

— А вы мне и не можете ничего посоветовать. — Эта смазливая сволочь ещё и нос задрала. — Я прекрасно знаю, как выгляжу.

И тут я выдала:

— Как гей!

О-о-о! Как рассердился-то!

Хм. Кажется, меня сейчас будут убивать.

Андрей

— Что? Что ты сказала? — процедил Андрей, делая шаг вперёд и нависая над соседкой. Думал, испугается, но она только усмехнулась и повторила, задирая голову:

— Да как гей. Смазливый такой, чистенький, женоподобный. Маникюр и педикюр делаешь, наверное? Да, кстати, забавно... — Мармышка рассмеялась. — Педикюр! От слова «педик»!

— Я не педик.

— Да ладно, — она прищурилась. — Можешь не оправдываться. Мне-то что?

Чёрт, что ж так бесит-то?

— Да не педик я! Я вообще был женат!

— Не аргумент. Многие педики женаты или были женаты. А потом они понимают, что их судьба не там, и разводятся, дабы предаваться разврату. Хотя... — Она вдруг отвела глаза и, улыбнувшись как-то беспомощно, тихо добавила: — Да и не только педики, конечно...

Но Андрей почти не обратил внимания на эти слова. От возмущения он уже чуть не взрывался.

Разврату... Много эта мелочь понимает в разврате!

Хотя он тоже... не особо.

— Так что нечего мне тут... про печенье на ночь глядя,
— пробурчала мармышка обиженно и вновь поглядела на него. — Можно подумать, моё печенье кому-то сильно жить мешает. А вот твой перфоратор...

— Без перфоратора ремонт не сделать. А печенье мешает!
Чем больше вес, тем громче топаешь.

Кажется, она скрипнула зубами.

— Беруши в уши — и адьос, амигос!

— Я не люблю спать с берушами.

— Ясно, — мармышка подняла брови. — Сверлить ты любишь, а с берушами спать — нет. Мальчиков любишь, девочек нет. Какие у тебя ещё недостатки?

— Я не люблю мальчиков.

— Да-да, — она закивала. — Конечно. Так я и поверила.
Ты... как это называется? Латентный гомосек, во.

— Кто?!

— Хм, — мармышка прищурилась. — Слишком много умных слов, да? Латентный гомосек — равно скрытый педик. То бишь педик, который отрицает, что он педик, но это не мешает ему быть педиком.

Ух, как же хочется её задушить!!!!

— Не педик я! — почти заорал Андрей. — Доказать?!

— И как ты это мне собираешься доказывать? — удивилась мармышка. — Что, у педиков какие-то особые приметы есть? Как клыки у вампиров?

— Вот так! — прорычал Андрей, схватил соседку обеими

руками за плечи, чтобы не вырывалась, и поцеловал.

Аня

А-а-а... У-у-у... О-о-о... М-м-м...

Вот же блин. А неплохо.

И нежно, и в то же время решительно...

И приятно, как ни странно. Так что я решила не сопротивляться. Просто стояла столбом, наслаждаясь тем, как мой сосед по лифтовой тюрьме изо всех сил старается показать своё поцелуйное мастерство.

— Ну и? — спросил, перестав целовать. — Что?

— Ничего, — я равнодушно пожала плечами. — Это ничего не доказывает.

— Как это?

— Вот так! — я округлила глаза. — Я тоже могу поцеловать девочку и сказать — смотрите, я — лесбиянка. А могу и собаку в нос поцеловать, это же не значит, что я с собаками того самого...

— А очень похоже! — мрачно процедил сосед. — Что ты с собаками того самого.

— Это твоя больная фантазия, — я усмехнулась. — Наверное, у всех педиков такая.

— Я не педик!

— Ну да, ну да, — я кивнула. — Конечно. Ты не педик,

я лесбиянка. Всё честно.

Надо же, а ведь он серьёзно решил, что я считаю его педиком! Похоже, с чувством юмора тут всё очень плохо. Печально.

У Олега тоже было неважно с чувством юмора, и из-за этого он иногда на меня смертельно обижался. Мог на полдня надуться, услышав в магазине во время примерки, что «в этой куртке он похож на глисту в скафандре». «Глиста» казалось ему очень обидным словом.

А какой скандал Олег мне устроил, когда я, принимая гостей, пошутила, открывая дверь: «Здравствуйте, гости дорогие! Вас приветствует хозяин квартиры, — указала на себя, — и его верный падаван, — на Олега. — Будьте как дома в нашем дурдоме!»

Ну фигня же полнейшая. Но с ним получилось так, как любит говорить моя мама: «Не всё шутка, где есть юмор». Юмор был, а вот шутки не вышло. Вышла *трагедь*.

Но если чувства Олега я старалась щадить, то с чего мне щадить этого... дятла-перфоратора?

— И вообще, а почему ты так сопротивляешься? Ну гей. Можно подумать, геям быть плохо.

— Я не гей потому что!

Хы. Кажется, у него сейчас из макушки дым повалит.

Или из ушей...

— У всех свои недостатки, короче. Я вон чай на ночь пью с печеньем, ты мальчиков любишь. О, кстати! — Я даже ожи-

вилась. — А ты актив или пассив?

Мрачная соседская морда после этой фразы теперь точно будет сниться мне в кошмарах.

— Сейчас узнаешь.

И тут он опять меня поцеловал.

Но на этот раз ещё и прижал к стене лифта всем корпусом.

И руки нахально сжали грудь.

Вот это у дятла наглость!

А потом одна из них опустилась и залезла ко мне в джинсы...

Андрей

Мармышка что-то промышчала ему в губы, но что Андрей не понял — он, нащупав пальцами искомое и ощутив, как девушка вздрогнула, начал двигать рукой.

— Ты *шоделаешь*, придурок, — прошипела-прошептала мармышка, дёрнув головой, чтобы освободить губы, но у неё это толком не получилось — Андрей тут же вновь поймал их и, раздвинув, стал ласкать языком, не прекращая движений пальцами вниз.

Мармышка вдруг всхлипнула, а после сладко, протяжно застонала. И Андрей неожиданно понял, что хочет её. Плевать, кем она его там считает. Он её хочет. И получит... сейчас.

Не отвлекаясь от ласк, второй рукой Андрей задрал мармышке свитер и спустил ниже бюстгальтер, оголяя остренькие розовые соски. Оторвался от губ, наклонился — и втянул один в рот, второй сжимая пальцами.

— Ах, — сказала мармышка и, всхлипнув, призналась как будто с неохотой: — Классно как...

Классно? Не-ет, ей ещё пока не было классно, всего лишь приятно.

И Андрей усилил напор внизу, одновременно с этим при-

кусовая один сосок, а второй зажимая пальцами...

Аня

Надо его остановить. Точно, надо, обязательно...

Ой, нет, не сейчас. Попозже...

Слишком приятно... Слишком давно у меня этого не было...

Да, попозже...

Настойчивые, требовательные пальцы ласкали внизу, а губы и руки занимались грудью, и с каждым движением мир уплывал всё дальше, оставляя после себя чистое наслаждение.

Оргазм был настолько острым, что я, не выдержав, обняла соседа за шею — боялась свалиться на пол...

Но секундой спустя мы свалились туда вместе, и я, по-прежнему содрогаясь от нахлынувших чувств, ощутила, что с меня стягивают джинсы вместе с трусами.

Хотела сказать: «Может, не надо»... Или не хотела? В общем, неважно. Потому что ещё секундой спустя мне раздвинули ноги — и так резко вонзились внутрь, что я вскрикнула.

Чёрт, большой... У Олега тоже большой, но у этого... дятла... ещё больше, кажется...

— Вот же кайф... — прошептал сосед мне на ухо и, не дожидаясь моего ответа, сразу начал размашисто двигаться. Но больно не было — только до невероятности приятно, на-

столько приятно, что я совершенно не могла соображать. Понимая, что во всём этом есть что-то ненормальное, я тем не менее была не способна остановить происходящее.

Вместо этого я стонала, сопела и всхлипывала...

Андрей

Как же сладко она стонала! Он ловил эти стоны губами, не прекращая двигаться и сжимая ладонями грудь, и постепенно понимал, что уже очень давно не ощущал ничего подобного к девушке. С тех пор как развёлся с Катей, точно не ощущал...

А мармышка стонала всё громче и громче, и Андрей вновь начал ласкать её внизу, растирая влагу и ловя себя на мысли, что ужасно хочется пройти там языком...

Вот же... Не надо было об этом думать. Тело вспыхнуло жаром, и он едва не совершил непоправимое, но в последний момент всё-таки успел.

Соседка же распахнула глаза и посмотрела на Андрея, как ему показалось, с неудовольствием...

Аня

Только я хотела сказать: «Хорошо, что вытащил», как этот... трахатель-стахановец вдруг сполз вниз и припал губами к тому самому месту, где только что побывал.

И от этого места по телу расходился жар, вновь выжигая все мысли и доводы, и хотелось только сильнее, быстрее, резче... Я дрожала, я выгибалась, я сжимала его голову руками, сильнее разводя ноги, и, кажется, в итоге пережила маленькую смерть...

Или это была жизнь? Чёрт её знает. В любом случае — было так хорошо, что я вознеслась к небесам... А потом резко грохнулась башкой об лифт, когда меня спросили с ехидцей:

— Ну что? Доказал, что не педик?

— Чего?.. — просипела я, вытирая слёзы с глаз. Мощный был оргазм, раз даже прослезилась.

— Того. Хорошо же тебе было?

Я несколько секунд смотрела на расплывающийся силуэт соседа, пытаюсь понять, о чём он вообще говорит.

Потом вспомнила.

Вздохнула.

Все мужики — придурки. Не знаю, есть ли такая примета,

но, если нет, срочно надо включить в список.

— Там в пакете с мандаринами салфетки есть...

— Чего? — теперь уже удивился сосед. Хотя, если подумать, что тут удивительного-то?

— Салфетки. Влажные. Давай сюда.

— Зачем? — Я уже открыла рот, чтобы сказать: «За на- дом», когда этот дятел протянул: — А-а-а, понял...

— Я счастлива.

Через секунду я вытирала живот, а мой сосед по тюрьме в это время залезал в карман куртки за мобильным телефоном.

— Через пятнадцать минут Новый год. Я же говорил — не успеют...

— Я в этом и не сомневалась, — проворчала я, кинув салфетки в угол. — У меня там минералка есть. Можно распить.

— Да? — сосед оживился. — А у меня ничего нет, кроме ёлки.

— Ёлка — тоже нужная вещь, — утешила его я, окончательно оделась, встала и, достав из пакета шарик, торжественно повесила его на дерево. — Вот! Ну красота же, скажи? Неописуемая.

Он промолчал.

Наверное, не согласен. Ну и ладно!

Андрей

Мармышка была настолько невозмутима, словно между ними тут сейчас ничего не произошло. Сначала спокойно вытерлась, потом повесила на его ёлку какой-то дурацкий шарик и вот теперь протягивала Андрею бутылку минералки, второй рукой сжимая мандарин.

— Открывай.

И, плюхнувшись в угол на свою куртку, начала его чистить. В лифте сразу запахло цитрусами... вкусно так запахло.

— А мне можно?

— Бери, — махнула рукой на пакет. Андрей отдал ей открытую минералку, достал два мандарина и тоже сел на собственную куртку. М-да, и ведь стирал только на прошлой неделе...

— Как тебя зовут?

Услышав этот вопрос, соседка подняла голову от мандарина, который старательно разбирала на дольки, и усмехнулась.

— Ёпсель-мопсель...

— Чего-чего?..

— Да ничего. Секс не повод для знакомства, говорю.

Андрей опешил.

— Э-э-э...

— Ну, — она вновь усмехнулась и сделала глоток минералки. — Ты ж на меня полез, не спрашивая имени. И теперь оно зачем? Потрахались, дождёмся освобождения из этой тюрьмы и разойдёмся. «Что в имени тебе моём? Оно умрёт, как шум печальный волны, плеснувший в берег дальний, как звук ночной в лесу глухом», — продекламировала торжественно и протянула ему бутылку. — На, товарищ по несчастью. Знала бы, шампусика купила, всё веселее.

Бесит. Ни одна девушка Андрея так не бесила, как эта.

— Тебе жалко, что ли?

— Почему жалко? Вон, жуёшь мой мандарин, минералку мою пьёшь. И трахнул только что. Имя-то зачем?

Бесит.

А глаза-то зелёные, оказывается...

— Ясно, — Андрей прислонился к стене лифта и постарался сказать как можно более язвительным голосом: — Я понял. Ты вот так с незнакомцами постоянно трахаешься. Анонимно. А в лифте впервые или был уже опыт?

Взглядом мармышки можно было резать, колоть и потрошить.

— Был, разумеется, — протянула она ласково-угрожающим тоном. — Я так каждую неделю катаюсь, застреваю и трахаюсь. Вместе с мандаринами, минералкой и ёлкой. С ними веселее.

И пока Андрей думал, как бы ещё её подколоть, мармышка достала из кармана джинсов телефон и, вздохнув, сказала:

— Всё, полночь. Ну, типа, с Новым годом тебя, соседка. — Она сделала глоток минералки и протянула её Андрею. — Держи. Жаль, чокнуться нечем...

Чокнуться ей нечем... Да она и так чокнутая.

Аня

Я, конечно, сама виновата — не остановила его вовремя. Но, ёпсель-мопсель, обидно же! Меня никогда не трахали словно какую-то вещь. Да ещё и не зная имени.

Почему-то вот это было обиднее всего.

Скорее бы выйти из этого лифта и забыть всё как страшный сон. Вон уже и на улице кто-то что-то взрывать начал... Бедный Альфонс, он же с ума там сейчас сойдёт!

— Говорят, как Новый год встретишь, так его и проведёшь, — задумчиво пробурчал сосед, и я скривилась. Ещё один... приметчик.

— Забудь эту ерунду. Вряд ли ты проведёшь весь год сидя в лифте. Насколько бы бухими не были те, кто должен нас отсюда вытащить, максимум через сутки они очухаются.

— Через сутки на одних мандаринах мы сдохнем.

— Через сутки народ, живущий в подъезде, захочет воспользоваться лифтом. По правде говоря, я удивляюсь, как ещё не захотел... Домоседы все какие-то.

— Видимо, пассажирский не застрял, — сосед пожал плечами. — Им и пользуются. А может, и правда ещё пока все дома пьют и едят.

Раздразнённый мандаринами желудок жалобно заурчал. Я

вспомнила об оставленной в холодильнике мимозе и тоскливо вздохнула.

— Чёрт, и сеть не ловит... — пробурчал сосед, и я оживилась. Хоть что-то хорошее! Иначе бабушка с мамой уже позвонили бы... Нет, не так. Они ДОЗВОНИЛИСЬ бы и учинили мне допрос, как я встретила Новый год. Не надо! Абонент недоступен, и ладно. Потом скажу, что... хм. О, знаю! Скажу, что утопила телефон в унитазе. Заодно новый куплю по такому случаю, а то мой уже на ладан дышит. Но оно и понятно — пару раз он действительно плавал, только в ванне.

— А ты чего хотел от сети? Посмотреть новогоднее поздравление президента, что ли?

Дятел-перфоратор смерил меня презрительным взглядом.

— Маме с сестрой позвонить. Волнуются уже, наверное.

Я задумчиво почесала нос, а потом кивнула на лифтовую панель с кнопками.

— Диспетчер тебе в помощь. Попроси её позвонить твоим родственникам. Раз уж нас отсюда не спешат вытаскивать, пусть хотя бы связными поработают.

Сосед задумался.

— Хорошая идея, пожалуй... — Встал, подошёл к панели и нажал кнопку вызова диспетчера. — Приём, уважаемые! С наступившим!

В динамике раздалось странное бульканье.

Хм... Может, диспетчер тоже уронила свою аппаратуру?.. В унитаз. Или в бокал с шампанским... Так романтичнее.

Я даже хотела пошутить на эту тему, но тут из динамика гаркнуло так, что мы с соседом чуть не пробили верхнюю панель лифта своими головами:

— С Новым годом!!!

Ёпсель-мопсель, так и инфаркт можно заработать...

Сосед, судя по всему, подумал о том же самом и резко стал размышлять на тему «просить или не просить диспетчера позвонить родственникам».

Но он не успел ничего сказать.

— А вы чё?! До сих пор там сидите?! Я ж звонила Палычу два часа назад!

— Видимо, Палыч ушёл печь торт, — пробормотал сосед, я хихикнула, а тётка в динамике возмутилась:

— Какой ещё торт?!

— Ну который «От Палыча».

Диспетчер молчала секунд пятнадцать, и я уж думала — у неё там от сложности мысли в голове что-то замкнуло. Потом рывкнула:

— Сейчас опять позвоню! Сидите там, ждите!

— Как будто мы отсюда можем куда-то деться, — хмыкнул сосед, поворачиваясь ко мне лицом.

— Ну мало ли. Может, решим выбраться из лифта самостоятельно. В фильмах герои это проделывают, и даже с успехом. И мы тоже можем. Правда, в нашем случае успех получится, скорее всего, фатальным.

Сосед вновь плюхнулся на куртку, открыл рот, чтобы что-

то сказать, и тут в двери лифта чем-то грохнуло так, будто бы снаружи кто-то взорвал фейерверк.

А потом с лестницы раздалось:

— Эй! Вы там?! *Щас* я вас в-в-в-в-вытащ-щ-щу!

Ещё один бабах в двери лифта — и всё стихло.

— Видимо, это Палыч, — заключил сосед.

— Ага. С тортом, — я нервно заржала. — *Щас* он пойдёт им закусывать, а нас забудет тут ещё на пару часиков.

Как хорошо, что я в итоге ошиблась...

Андрей

Через сорок минут, когда они с мармышкой выпили всю минералку и слопали все мандарины, лифт наконец вздрогнул... и поехал. Почему-то вниз.

Плевать, пешком дойдёт, и даже с ёлкой. Только бы уже выйти отсюда! Так недолго и клаустрофобию заработать.

— Ёпсель-мопсель, вот счастье-то... — вздохнула соседка, улыбаясь и вскакивая с пола. — Свобода попугаям!

— Что это за выражение такое? — не выдержал Андрей.

— Какое? Про попугаев?

— Нет. Ёпсель этот... мопсель.

— А-а-а... Понятия не имею. Так моя бабушка говорит, — пожала плечами мармышка, и тут двери лифта разъехались, впуская внутрь аромат дешёвой водки, сигарет и застарелого пота.

— Ага! — воскликнул мужик, стоявший возле лифта, и улыбнулся не слишком белоснежной улыбкой. Видимо, так «приятно» пах именно он. — А вот и наши застревашки! С Новым годом, мля! Как Новый год встретишь, так его и пров-в-ведёшь, так что я ж-ж-желаю вам, мля, не застревать больше!

И громко икнул.

— Спасибо, — сказала мармышка. И, подумав, добавила:
— Мля.

— Не за что! Куда вам там надо было? Езж-ж-жайте! Лифт работает!

Андрей покосился на соседку, а она на него. С опаской.

— Нет, спасибо, — пробурчала мармышка.

— Мы пешком, — добавил Андрей.

Мужик заржал.

— Прав-вильно! Бережёного бог береж-жёт! Ну, бывайте.
Не застрев-в-вайте!

Сразу после этой фразы мармышка, кивнув, стартанула вверх по лестнице. Да так шустро, словно её там кто-то ждал.

Кстати, а действительно. И как это ему в голову не пришло? У неё же парень. Или муж. А она...

Андрей кинулся за ней, стараясь не отставать.

Так и добежали до девятого этажа, пыхтя, как ёжики, и не сбавляя темпа.

— Стой! — воскликнул Андрей и схватил мармышку за рукав куртки. — Куда ты так несёшься?

— Домой! — рыкнула она, дёргая локтем. — Отстань! Получил уже всё, чего тебе ещё надо? Шоколада? Ну так нету у меня его! Мандарины были, и те все слопаны!

Честно говоря, он и сам не знал, зачем бежит следом, хватая за одежду и пытается остановить. Самого себя понять не мог.

А мармышка, всё-таки вырвавшись, поправила куртку и

пошла на свой десятый этаж.

Андрей постоял, послушал, как она гремит ключами и заходит в квартиру под истошный собачий лай и ласково-восторженное: «Ты соскучился, Афоня? Бедненький мой!»

Усмехнулся.

Что ж, мармышкино имя он так и не узнал. Зато узнал, как зовут её собаку.

А это тоже... немало.

Аня

Альфонс явно понервничал, пока меня не было. Ещё бы — хозяйка ушла, дверь в комнату закрыла, намордник нацепила, а тут ещё и бомбёжка под окном...

В общем, намордник оказался снят, дверь открыта, а еда почти вся сожрана. Ничего страшного, там и было-то... Огурцы, помидоры, немножко колбасы и сыра. Хорошо, что салат я в холодильнике оставила...

— Ну? И что ты сделал?

Альфонс лёг на пол и закрыл морду лапами. Он всегда так делает, когда знает, что виноват.

— А? Я тебя спрашиваю.

На меня посмотрели абсолютно невинными тёмными глазами и заскулили. Типа: «Я же переживал, скучал...»

— Как тебе не стыдно, Афоня! Ты же знаешь, что нельзя есть со стола.

Пёс перестал скулить, зато тяжело вздохнул.

— Ну... и что мне с тобой теперь делать?

Завилял хвостом. Типа: «Простить, конечно».

Ну уж нет! По крайней мере, не сразу.

— Ладно... Место!

Афоня поднялся и грустно посеменил к своей лежанке.

Я же отправилась на кухню, достала из холодильника лоток с мимозой и пошла на диван под укоризненным взглядом Альфонса.

— Тебе не дам. И не проси. И так бы не дала, но теперь тем более.

Вновь тяжкий вздох. Я щёлкнула пультом, остановилась на каком-то из традиционных «голубых огоньков», открыла лоток и принялась жевать мимозу под радостную праздничную попсу.

Мне было настолько не по себе, что я даже решила отложить звонок маме и бабушке до утра. Боялась: если начну говорить, они сразу поймут — «с ребёнком что-то не так».

Не так. Совершенно! В новогоднюю ночь вроде как случаются чудеса, но у меня получилось абсолютно неправильное чудо. И даже упрекать толком некого... Валить всё на соседа, конечно, можно, но я понимала — это будет неправдой. Он ведь меня не изнасиловал.

Неужели это развод так повлиял и со мной случилось... хм... размягчение мозга?

Или что тогда?

У меня в принципе было не особенно много опыта в интимной жизни, и уж совершенно точно я не занималась сексом с незнакомыми парнями. Даже с малознакомыми. Да ёпсель-мопсель, у меня, кроме мужа, был ещё только один половой партнёр, и прежде, чем лечь в койку, я встречалась с ним почти полгода! И с трудом решилась на секс. А тут вдруг

— бац!

Если это такие новогодние чудеса, то Дед Мороз явно что-то напутал. Это не чудеса, это умопомрачение какое-то.

Вилка ткнулась в дно лотка. Я опустила голову и с ужасом поняла, что слопала почти всё, даже не заметив этого. Ужас и кошмар! И так-то похудеть надо...

Я же слишком громко топаю, да-а-а!

Захлопнув крышку лотка и мстительно улыбнувшись, я вскочила с дивана и пошла на кухню за чаем, опуская ноги на пол с диким грохотом.

Вот так. Вот так тебе!!!

Андрей

Первым делом он набрал номер матери и долго поздравлял её с Новым годом, попутно уверяя, что ничего не случилось, просто глупо застрял в лифте. Мама, конечно, поохала, но постепенно успокоилась.

Потом к телефону подбежала Кариша, и Андрей минут пятнадцать слушал её восторженный щебет про ожидаемые от Деда Мороза подарки.

— Жалко, что ты не с нами! — вздохнула она в очередной раз, попрощалась и пошла спать. Карише было десять, и бодрствовать по полночи даже в Новый год ей не разрешалось.

Андрей положил трубку и, покосившись на так и не наряженную ёлку, поморщился.

Да, наверное, стоило забить на всё и приехать к матери с сестрой. Но он настолько устал и задолбался с этим ремонтом, что мечтал только об одном — выспаться. А не кататься в транспорте 31-го декабря на другой конец города. Вот 1-го января — другое дело, тогда на дорогах пусто и тихо...

Эгоистичный поступок, но Андрей и так мотался туда-сюда весь год. С тех пор, как в начале марта от инфаркта умер отец. Буквально за неделю до этого Андрей продал кварти-

ру, в которой жил с Катей, и купил новую, и только собирався начать ремонт, как позвонила мама и, заливаясь слезами, сообщила, что отец умер по дороге в больницу.

Адский был год. Сначала оказалось не до ремонта, и Андрей фактически жил у мамы и сестры, путешествуя на работу в другой конец города. Потом, когда горе немного поухло, он начал наведываться и в свою квартиру — спал на надувной кровати и потихоньку пытался делать ремонт. Однако полноценно руки дошли до этого только ближе к осени. И к концу декабря Андрей почувствовал себя рабом на галерах.

Пять дней в неделю, с девяти до шести, он пахал в офисе, пару раз по вечерам ездил к матери с сестрой, а всё остальное время тратил на ремонт. Поэтому и отказался от идеи ехать куда-либо 31-го декабря — ощущал себя абсолютно разбитым. И мармышка, начав шутить над Андреем в лифте, только добавила масла в огонь...

Зря он так. Ведь она ему нравилась, давно нравилась, и можно было бы деликатнее... А получилось, мягко говоря, не очень.

Андрей прекрасно помнил день, когда увидел соседку впервые. Увидел — и застыл, любясь.

Был май, и на футбольном поле во дворе соседнего дома расцвели сотни одуванчиков. Мармышка сидела на траве, окружённая ими со всех сторон, плела венок, а вокруг восторженно носился её пёс. Периодически она поднимала

голову и, улыбаясь, чмокала губами, отчего пёс впадал в ещё больший восторг.

И ничего вроде особенного — обычная девушка, обычная дворняга, обыкновенные одуванчики. Но Андрей почему-то запомнил соседку и страшно обрадовался, увидев на следующий день в подъезде. Улыбнулся и громко сказал: «Здравствуйте!»

Мармышка мазнула по нему равнодушным взглядом, проигнорировав улыбку, которую другие девушки называли сногшибательной, буркнула: «Здрасьте» — и выбежала на улицу, утягиваемая туда своей собакой.

Было обидно. И в следующие два раза, когда Андрей здоровался с мармышкой, а она спокойно пробегала мимо, — тоже. И когда он встретил соседку вместе с другим парнем, тоже было обидно.

Казалось бы, радоваться надо — сегодня Андрей ей наконец-то отомстил. Но радости почему-то не чувствовалось. Только неловкость, досада и желание повернуть время вспять.

Совсем он, что ли, спятил в этом лифте?

БУХ!

Андрей вздрогнул и покосился на потолок.

БАМ!

Что это?

БАХ!

Это она так... шагает?

БАЦ!

Точно, шагает. Специально топает, сразу чувствуется.

Может, ему тоже перфоратор врубить?

Хм... нет, пожалуй, не стоит. Если эти шаги слышит только он, то перфоратор услышит весь подъезд. Не хочется получить от кого-нибудь в глаз в первый же день Нового года.

БУХ!

Вот ведь... вредина!

Интересно, как её зовут...

Аня

Проснулась я оттого, что Альфонс вылизывал мне лицо.
— Тьфу! Фоня, прекрати!

Он плюхнулся на попу и посмотрел на меня умоляющими глазами. Я достала мобильник из-под подушки и посмотрела на часы. Восемь утра. Первого января вставать в это время — почти неприлично.

— Нажрался вчера колбасы, вот теперь тебя и пучит, да?
— пробурчала я, всё-таки вскакивая с кровати. Собачий хвост радостно застучал по ламинату. — Вот же прожорливое чудовище...

Чудовище проводило меня до ванной, громко цокая по полу когтями мне на радость. И ведь не замечала раньше этого звука, пока соседка не ткнул пальцем...

Быстренько умылась, выпила йогурт, чтобы совсем уж пусто в желудке не было, оделась и поспешила на улицу.

Там было... не менее пусто, чем у меня в желудке до йогурта. Город будто бы вымер, и только многочисленные следы новогодней человеческой деятельности — то бишь конфетти от хлопушек, фантики от петард и другая разнообразная мишура — покрывали снег в местах наибольшего ночного скопления народа.

Альфонс принялся радостно скакать вокруг меня, чуть ли не вырывая поводок из рук, я чертыхалась и семенила за ним. Во дворе я его никогда не спускаю, мало ли. Исключение — футбольное поле рядом с соседним домом.

Туда мы и направились.

К моему искреннему удивлению, на поле оказался один собачник, мне доселе не знакомый. С ротвейлером.

Собака, увидев Альфонса, радостно завиляла хвостом, и мой дурачок — тоже. Я наклонилась и выпустила Фоню на волю. Он тут же побежал вперёд, к своему новому другу. Или подружке?

Я взглянула на хозяина. Мужчина лет тридцати пяти-сорока, вроде бы трезвый.

— Доброе утро, — я покосилась на играющих собак: всё было в порядке. — С наступившим.

— И вас, — он кивнул. — Вы сегодня тоже работали?

— Почему? — я удивилась.

— Рано встали. Первого января полагается спать до обеда.

Хм. Честно говоря, я так и собиралась, но сосед и слопавший колбасу Афоня испортили мне всю малину.

— Не спится, — пожалала плечами. — А вы работали?

У него действительно был какой-то уставший вид.

— Работал. На сутках. У меня сутки через трое. В этом году вот «повезло» — на 31-е декабря рабочий день выпал.

Мимо на бешеной скорости пронесли наши чудовища, и я решила поинтересоваться:

— А у вас мальчик или девочка?

— В смысле? — мужчина нахмурился, но почти сразу улыбнулся. — А, вы про собаку. Я подумал, про детей. Девочка, Белла. А детей нет. И, — улыбка стала шире, — я не женат. А вас как зовут?

Оп. Ещё один «жених». Но этот хотя бы... хм... приличный.

— Аня.

— А меня Павел. А собаку?

— Альфонс.

Он на секунду завис, а потом рассмеялся, глядя на меня с лукавством. Я смущённо потупила глаза и переступила с ноги на ногу.

— Знаете, по-моему, наши собаки — идеальная пара. Она — красавица, он...

— Чудовище?

— Альфонс! Они просто обязаны подружиться. Как вы думаете?

Хм.

— Возможно...

— Тогда позвольте пригласить вас на прогулку в парк.

— Сейчас?!

— Нет, — Павел фыркнул. — Сейчас я, с вашего позволения, спать. Устал гораздо больше, чем эти собаки, — он кивнул на наших «красавицу» и «чудовище». — Завтра. В девять утра давайте? Встретимся здесь и пройдемся по пар-

ку.

Я закусила губу.

Павел был симпатичный и внешне нравился мне гораздо больше дятла-перфоратора. Тоже высокий, кареглазый и темноволосый, но кожа белая и не смазливый ни капли. Может, из-за небольшой щетины?

— А почему вы не спросили, замужем ли я?

Сразу стало неловко. В конце концов, Аня, тебя ведь просто на прогулку пригласили, а не в кровать.

Но он не обиделся, только улыбнулся — мягко и иронично.

— Потому что гулять с собакой вышли именно вы. Первое января, полдевятого утра... Либо вы не замужем, либо ваш муж не заслуживает уважительного отношения к себе.

О да. Сразу — в точку. Причём и с тем, и с другим утверждением...

Олег ни за что не пошёл бы гулять с Альфонсом. Даже когда я лежала влётку с температурой, он всегда говорил: «Это твой пёс. Мы в ответе за тех, кого приручили».

Угу... мы в ответе за тех, на ком женились. О такой интерпретации сюжета «Маленького принца» мой бывший муж в жизни не додумался бы.

— Хорошо. Завтра в девять.

— Отлично! — кажется, Павел обрадовался. — Тогда до встречи! Белла, пошли!

Он, кивнув мне, пристегнул свою собаку к рулетке и по-

спешил прочь с футбольного поля.

Мы с Альфонсом побегали-походили ещё минут двадцать, а потом тоже пошли домой. Нормально завтракать и заниматься самогрызством.

Андрей

Снилась Андрею мармышка. Такая, какой он увидел её в первый раз, — сидящая на поле с одуванчиками. Широкая улыбка, тёмные кудряшки, живые зелёные глаза...

...И навязчивый звонок мобильного телефона.

Он, застонав, ткнул аппарат в ухо, не открывая глаз.

— Алло...

— Как прошёл Новый год? — сказала трубка весёлым и определённо бухим голосом Кати. — Плодотворно?

От неожиданности и удивления сон ушёл, как и не было.

— Кэт?.. — Тьфу, давал же зарок не называть её так больше. — То есть Катя?..

— Кэт, Кэт, — промурлыкала бывшая жена. — Да, это я, твоя кошечка. Хочешь, сей-ш-ш-шас приеду, почеш-ш-шу об тебя коготочки?

Несколько мгновений Андрей даже не мог ничего сказать — настолько она его поразила. Потом расплылся в улыбке.

— Конечно приезжай, Кэти. Я тебя с удовольствием...

Бывшая жена чувственно вздохнула в трубку.

— С наслаждением...

— М-м-м... — соблазнительный стон.

— И с радостью...

— Да-а-а...

— СПУЩУ С ЛЕСТНИЦЫ! — гаркнул Андрей и отключился, не дожидаясь, что ещё скажет эта змееподобная кошка.

Надо же — ни стыда ни совести. Хотя почему он удивляется? У Катьки их отроду не водилось. Только раньше Андрей, ослеплённый её «божественной» красотой, ничего не замечал.

Бывшая жена действительно была красоткой — высокая блондинка с большой грудью, тонкой талией и крутыми бёдрами. Грудь, правда, не совсем настоящая, да и коррекцию носа Катя делала лет пять назад, но в остальном — всё своё, сочное и натуральное.

На эту красоту Андрей и клюнул во время одного из корпоративов, когда Катя танцевала у шеста.

Она вообще была профессиональной танцовщицей и зарабатывала себе на жизнь, танцуя на различных мероприятиях и праздниках. Андрею не казалось это чем-то постыдным ни тогда, ни сейчас — если бы танцами всё и ограничивалось, конечно...

Количество денег, которое Катя получала за работу, его никогда не удивляло. Хорошо же танцует, заказов много, подумаешь... Радоваться надо, а не претензии предъявлять!

А потом один коллега по работе подошёл к Андрею и признался, что был тут недавно в ночном клубе и видел его супругу. Которая кроме обычных танцев исполняет «приват-

ные». Андрей поначалу не поверил, спросил Катю, что за танцы такие. Получил ласковую «кошачью» улыбку и нежный ответ:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.